

А. В. Жугра
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
ajugra@rambler.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА В АЛБАНСКОМ ЭПОСЕ (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

В статье рассматривается употребление метафорической антитезы в албанском героическом эпосе. Этот художественный прием сказитель использует в определенных типовых ситуациях — при описании богатырских качеств эпического героя, при показе его внутреннего мира. Особый вид антитезы представлен в песнях о преданной любви сестры к своему брату.

Ключевые слова: албанский, эпос, метафорический, антитеза.

A. V. Zhugra
Institute for Linguistic Studies, RAS, St.Petersburg, Russia.
ajugra@rambler.ru

Metaphorical antithesis in Albanian epos

The article addresses the issue of metaphorical antithesis in Albanian heroic songs. The singer of tales uses this artistic means in certain typical situations — when showing the heroic qualities of an epic hero, when showing his inner world. A special type of antithesis is presented in songs about the devoted love of a sister for her brother.

Keywords: epos, Albanian, antithesis, metaphoric.

Вводные замечания

Одной из довольно заметных художественных особенностей албанских эпических песен является использование в них такого приема, как славянская, или метафорическая, антитеза. На это явление фольклористы уже обращали внимание: в работе (Gatsak 1973) дается краткая его характеристика на фоне других эпических традиций славянских и неславянских народов Юго-Восточной Европы. Были, в частности, отмечены такие особенности метафорической антитезы в албанском эпосе как ее диалогическое строение, расположение по ходу повествования и приуроченность к изображению положительных персонажей (Gatsak 1973: 296).

Богатый материал албанского эпоса показывает, что данный феномен заслуживает специального и более подробного рассмотрения.

Славянская антитеза «... состоит из вопросительного предложения, отрицательного параллелизма, являющегося отрицательным ответом на вопрос, и, наконец, из утверждения» (Bogatyrev 1960: 221). Наряду с таким, наиболее часто встречающимся видом антитезы, существует также вид, в котором исходный тезис с его предположительной модальностью оформлен как утвердительное предложение. Диалогичная по своей структуре славянская антитеза имеет, таким образом, трехступенчатую форму: сообщается некое ложное положение (первая ступень), затем идет его отрицание (вторая ступень), за которым следует истинное утверждение (третья ступень). Первые две ступени являются метафоричными, третья несет достоверную информацию (Medrish 1995: 102).

Героические албанские песни, опубликованные в сборниках *Kenge popullore legjendare* (KPL) и *Epika — Epika legjendare* (Epika) соответственно 1955 и 1966 годов, обнаруживают активное использование в них славянской антитезы — она представлена более чем в двадцати из ста песен в разных сюжетных коллизиях. Славянскую антитезу встречаем также в сборнике *Balada dhe legjenda*¹ (1974). В данной статье предпринимается попытка определить состав (характер) образов и место славянской антитезы в составе албанских эпических песен.

Примеры метафорической антитезы, к которой охотно прибегают албанские сказители, свидетельствуют о широких возможностях структурного варьирования в отношении количества стихов на каждой ее ступени. Здесь возможен минимальный вариант 1:1:1, например: — *A thue janë ortiqe me borë? / Be n' zotin Marku paska ba: / — Ato s' janë ortiqe me borë, / aty asht Muja me Halilin* (Epika 101: 55–58) ‘Это, наверно, лавины снега? / Богом поклялся Марк: / — Это не лавины снега, / там находится Муйо с Халилем’. Первая ступень может достигать в отдельных случаях 5 и даже 9 стихов, но в большинстве примеров она составляет 3 стиха.

Вторая ступень должна (по законам жанра) зеркально соответствовать первой и количественно, и лексически. Такое ожидаемое соответствие наблюдается часто, но далеко не всегда.

---

¹ При цитировании примеров указываются источник, номер песни и строки.

Изменение («нарушение») соответствия происходит в основном за счет уменьшения количества стихов на одну-две единицы (3:2, 3:1), вплоть до полного устранения (пропуска) второй ступени (всего три примера). Имеются, однако, случаи и расширения второй ступени на один стих.

Наибольшее разнообразие демонстрирует третья ступень антитезы. Здесь количество стихов достигает 7, 9 и даже 14 строк, что зависит от объективной сложности утверждаемого положения (факта или события). В некоторых случаях убедительное достоверное объяснение достигается лишь при пересказе произошедшего накануне события, как, например, в ситуации *богатырь удивлен* (см. ниже, песня № 38 *Ankimi i plakut Qafanak*). Такие антитезы теряют в выразительности и образности, хотя в них сохраняется общий принцип построения: «Это А?; нет, это не А, это Б».

Антитеза при описании богатыря: богатырские деяния, скачка богатырская, богатырский сон

Антитезы, характеризующие албанского богатыря, построены на сопоставлениях между действиями человека и явлениями природы. Сопоставления такого характера, обозначенные А. Н. Веселовским как «образный параллелизм», были первоначальной формой сравнений в поэтическом творчестве многих эпических традиций (Veselovsky 1989: 101). В современных албанских эпических текстах в качестве изобразительных средств используются и параллелизм, и антитеза.

Разнообразные «потрясения» природы, сопоставляемые в составе антитезы с действиями албанских героев, — это грохот и раскаты грома от ударившей молнии, гул, треск, шум падающих деревьев, шум морской бури и др.

Метафорическая антитеза в албанском эпосе представляет собой, как уже отмечалось, диалог персонажей и появляется в определенных местах повествования по воле сказителя, поскольку не является сюжетно необходимой. Зафиксированы, однако, и случаи использования антитезы в зачине.

Метафорическая антитеза в форме диалога при описании богатырских деяний

Муйо и Бехури, герои одноименной песни, сошлись в поединке, в котором никто из них не может одержать верх. В момент вынужденной передышки и словесной перебранки они

слышат сильный шум и грохот, причина которого известна слушателю из предыдущей части повествования, но для Бехури непонятна:

*Pak vonoi, shum s'ka vonue,
e kanë ndie nji gjamë të madhe,
si gjamë deti qi bjen moti i lig,
si gjamë qiellet, kur ban reja me shkrepë.
Janë ndalë burrat e Muji Behurin e pvetë:
— A thue vret reja për s' kthiellitit?
A mos janë këto gjamë prej detit?
— As nuk vret reja për s' kthiellitit,
as nuk asht kjo gjamë prej detit,
por janë kullat e Behurit,
trandin tokën kah po bijnë për dhe. (Еріка 6: 393–403);*

‘.../ услышали сильный грохот, / как шум моря в непогоду, / как гром небесный, когда сверкает молния. / Остановились мужи, и Муйо спрашивает Бехури: / — А ударяет молния, когда ясно [в небе]? / А может, это шум прибоа? / — Нет, не ударяет молния, когда ясно [в небе], / и это не шум морского прибоа, / но это дома́ Бехури [взорваны], / падают и сотрясают землю’.

Строго говоря, с помощью антитезы иллюстрируется не поединок богатыря с противником, а его находчивость и умение использовать обстоятельства, поскольку это именно Муйо заранее заложил мешки с порохом в доме Бехури и поджег фитили.

При этом следует обратить внимание на одну важную деталь — не Бехури, как ожидалось бы, задает вопрос, а сам Муйо задает (уже риторический) вопрос и сам же на него отвечает. Таким образом, сказитель вносит тонкий нюанс в характеристику главного героя, которому хочется произвести впечатление осуществленным хитрым маневром и «добить» морально противника, ибо далее следует рассказ Муйо о том, как именно он это подготовил. «Авторское» замечание после прямой речи Муйо прямо указывает на цель его риторики: *Vnerin Muji fort ja paska dyndë* (Еріка 6: 410) ‘Желчь [свою] Муйо крепко на него выплеснул.

Метафорическая антитеза при описании богатырской скачки

При описании богатырской скачки метафорическая антитеза зафиксирована в двух позициях: в зачине (один пример) и по ходу повествования (три примера).

Описания богатырской скачки встречаются в героических песнях неоднократно и часто с использованием устоявшихся формульных клише: *tym e mjegull gjogun e ka lshue* (Епика 15: 83) ‘как дым и туман припустил коня’, *tym e mjegull gjogun ma ka ba* (Епика 19: 282; 37: 324; 42: 51;) ‘как дым и туман сделал коня’, *Gjogu fort asht egërsue, / bisht e jelë bashkë i ka ba, / edhe bjeshkët i ka trupue* (Епика 62: 136–138) ‘в ярость конь пришел, / хвост и гриву соединил, / сквозь горы промчался’. Очень часто, когда богатыри скачут, возникает гром и грохот: *mumurim toka kish/ka marrë* (Епика 99: 33, 49) ‘земля загрохотала’, а когда скачет Муйо *Mumurim toka ka marrë, / edhe qiella po veton, / bytym rruga zjerm po qet, / bytym bari fjajë po ndezet, / bytym dushku në tokë po bje* (Епика 99: 68–72) ‘Земля загрохотала, / и небо сверкает, / вся дорога огнем полыхает, / вся трава загорается, / все дубы на землю осыпаются’.

Располагая такими художественными средствами, в некоторых особых случаях для описания богатырской скачки сказитель использует метафорическую антитезу. Это имеет место в ситуации, когда сообщается о приезде необычного или неожиданного гостя.

Уже знакомые образы природы (шум морского прибоя, удар молнии) используются и при описании богатырской скачки. При этом метафорической антитезе в зачине (песня № 87) предшествует так называемая «загадка», т. е. названо нечто неизвестное для персонажей песни, для беседующих агов. Аги слышат *nji bubllinë* ‘шум’, доносящийся с гор. Они спрашивают друг у друга: — *A thue tallazi i detit asht tue ba? / A thue reja kund asht tue vra? / A ndonji kral në bjeshkë ka ra?* (Епика 87: 6–8) ‘Это не морской ли прибой шумит? / А может это где-то молния ударяет? / Или какой-то король в горы нагрянул?’. В ответ Муйо последовательно отрицает каждое из высказанных предположений и сообщает истинную причину этого шума: *por tek po vjen Agë Jabanxhija, / shoqin kund ma trim s’ e ka, / ai në nji skele shpinë ka / te po vjen me ne me u pa* (Епика 87: 13–16) ‘но это едет Ага Чужеземец, / большего, чем он, храбреца нет нигде, / он на какой-то пристани дом имеет, / вот он едет с нами

повидаться'. Здесь мы имеем довольно редкий в албанском эпосе тип зачина — использование метафорической антитезы, показывающей приезд к богатырям необычного гостя (чужеземец, на какой-то пристани живет, т. е., видимо, где-то у моря).

Гудящая земля и все нарастающий гул на дороге также заставляют собравшихся для беседы аггов думать и гадать о причине этих проявлений природы: — не море ли это шумит, не король ли какой-нибудь войну ведет, не освободились ли [из плена] Муйо и Халиль? Ясность вносит один из богатырей, объяснивший, что это никакой не грохот морской, но что это *po tek po vjen djalë Ymeri, / ai asht i biri i Gjeto Basho Mujës, / se shtatë vjet në kafaz asht rritë, / tash po vjen me u shmerzitë* (Эпика 86: 268-271) 'это вот едет юноша Юмер, / это сын Чето Баше Муйо, / ведь он семь лет в клетке взрастал, / теперь едет [к нам] развезаться'. Данная метафорическая антитеза также приурочена к показу прибытия неожиданного для собравшихся богатырей гостя, неожиданного, так как об Юмере, которого растили скрытно, они не могли ничего знать.

В обоих случаях третья ступень метафорической антитезы содержит не только сообщение о достоверном факте, — о прибытии необычного или неожиданного гостя, но и важные для дальнейшего повествования сведения о нем.

Оригинальное построение метафорической антитезы встречаем в песне Omeri prej Mujit «Омер, сын Муйо». Здесь, услышав странный шум, ютбинские аги задаются вопросом об этом шуме и предполагают: — не небесный ли это грохот? Им отвечает Арнаут Османи, пропуская вторую, отрицающую ступень антитезы, — *Kto si me kanë Muja ja Halili!* (Эпика 27: 90) 'Это, похоже, [едет] Муйо либо Халиль!'. Видим, что третья, «достоверная» ступень антитезы, содержит модальность неуверенности, предположительности. А далее уже в тексте от нарратора, т. е. в авторском повествовании, но глазами того же персонажа дается истинное положение дел: *A çue n' kambë për me kundrue, / tym e mjegull veç ka pa / e ndër tym Omerin prej Mujit* (Эпика 27: 90-93) '[Арнаут Османи] Поднялся на ноги, чтобы разглядеть, / увидел лишь дым и туман / и сквозь дым Омера, сына Муйо'. Такое варьирование структуры метафорической антитезы создает иную тональность повествования в целом. Переход от диалога к авторскому повествованию, от точки зрения персонажа к точке зрения со стороны переводит тональность твердого утверждения («нет, не то, а это») к показу «картинки», показывающей привычные для богатырской скачки

атрибуты — *tym e mjegull* ‘дым и туман’. Этот переход, возможно, связан с тем, что речь идет о появлении героя, если и не неожиданного, и не необычного, то точно неприятного для Арнаута Османи. Арнаут Османи в албанском эпосе известен своей завистью к главному богатырю Муйо, появление Омера, сына Муйо, могло вызвать у него только одну реакцию, четко обозначенную нарратором — *Sa keq trimët na i ka ardhë!* (Эпика 27: 94) ‘Как неприятно стало храбрцу!’.

Метафорическая антитеза при описании богатырского сна

Ситуация, когда богатырей настигает тяжелый непробудный сон, встречается в нескольких героических песнях. Речь идет о Муйе и Халиле, которые проходят в горах испытание на выносливость. Напившись студеной родниковой воды, они впадают в сон, во время которого своим мощным дыханием производят настоящие разрушения в природе: падают с грохотом деревья, опадают листья, желтеет трава. Как следствие — богатырей обнаруживают, их заковывают в кандалы и сажают в темницу. В описании этих ситуаций сказитель прибегает к метафорической антитезе. Как и в других случаях, метафорическая антитеза здесь оформляется в виде диалога, который происходит, однако, не среди дружинников, а, напротив, в стане неприятелей — среди воинов краля или жителей королевства.

Три примера метафорической антитезы, используемой в разных песнях при описании богатырского сна, различаются и по структуре, и по составу используемых образов природы.

Самый краткий и лаконичный вариант содержит сопоставление богатырского сна с падающей лавиной снега: — *A thue janë ortiqe me borë? / .../ — Ato s' janë ortiqe me borë, / aty asht Muja me Halilin* (Эпика 101: 55, 57–58) ‘— Не снежные ли это лавины [падают]? /.../ — Это не снежные лавины, / (это) там Муйо с Халилем’.

В более развернутом варианте используется сопоставление с наступающей бурей (*duhëm kah po vjen*), с переменной погоды (*don jeta me ndrrue*), с шумом морского прибоя (*bumurimë prej detit*) и, наконец, с грохотаньем пушек (*topa nër Krahinë*). Все эти предположения последовательно отрицаются, чтобы заявить, что всё объясняется присутствием Муйо и Халиля: *por diku ngjat asht Muja me Halilin* (Эпика 26: 216) ‘но, похоже, что где-то находятся Муйо с Халилем’. Содержащееся в третьей

ступени антитезы *ngjat* ‘похоже’ нейтрализуется последующим объяснением, что тяжелый сон овладел богатырями, когда они оказались *tu gurrat e bardha / e uj shum qi kanë pi* (Эпика 26: 217–218) ‘у белых родников / и много воды выпили’.

Третий вариант метафорической антитезы отличается от предыдущих и структурно, и образно — начатая как бы диалог (риторические вопросы жителей королевства), она минует вторую ступень (опровержение предположений) и переходит в авторское повествование в третьей ступени. Приведем полностью текст этой антитезы, включая и предшествующий ей фрагмент:

Të dy gjumi n' hijet te i ka xanë	Сон их в холодке сморил обоих
Kaq duhi Zoti m' i ki' falë	Мощным бог их наградил дыханьем
Sa herë frymën si pe e ngrëhin,	Всякий раз, когда они вздыхают,
Të tana lisat po luhaten	Все деревья валяются в округе,
Edhe dushku i malit për tokë po bjen;	Дуб, стеная, грохается наземь!
Sa herë frymën Agët si po e qesin,	А как только братья выдыхают,
Bytym majat t' tana po rrëzohen!	Рушатся окрестные вершины!
N' gjithë Krajli marak ishin bâ:	Поднялась тревога в Королевстве:
«Shka ka dushku për tokë si po bjen?	Отчего там дуб на землю рухнул?
Shka kanë lisat si po luhaten?	Отчего деревья покачнулись?
Shka kanë majat si po na rrxohen?	Отчего вершины гор осели?
A n' mos janë topa n' Krahinë?	Может, это пушки бьют в Краине?
A n' mos janë gjamë e bumurinë?	Может, это грохотанье грома?
A n' mos rreh deti tallaza?	Или волн морских прибой о камни?
A n' mos hahen gjerpët e gjerpajt?»	Или это скрежет шкур змеиных?
Kqyr çka bani Ciro Baraktari!	Вот что сделал Циро Байрактари.
M' i ka vu turbitë për sy;	Он трубу подзорную приладил,
Po e shikon bjeshkën për t' gatë	Горы осмотрел он зорким взглядом,
Edhe kronin mirë po e shikon	Был ему ручей отсюда виден,
E tu kroni Agt i ka pa	У ручья увидел спящих братьев

(KPL 43: 110–129). (САС: 67–68; пер. А. Голембы).

Наряду с известными образами «потрясений» природы, здесь появляется сопоставление со змеями, которое, учитывая малую шумность этих пресмыкающихся, представляется неожиданным и мало мотивированным.

Начальный фрагмент приведенного текста выразительно описывает изменения, происходящие в природе в результате мощного богатырского дыхания. Эти изменения, или «потрясения», понятны слушателям, но непонятны жителям Королев-

ства, для которых они «загадочны». Разгадку находит Циро Байрактари, который, рассматривая горы через подозрительную трубу, *tu kroni Agt i ka pa* ‘у источника аггов увидел’. Как видим, сказитель не сообщает в этой третьей («достоверной») ступени метафорической антитезы главного, — того, что герои спят. Эта важнейшая деталь удачно дана в переводе: «увидел *спящих* братьев», а в оригинале содержится только в самом начале: *gjumi ... i ka xanë* ‘сон ... сморил их’.

Таким образом, при описании главных эпических героев в определенных ситуациях используются разные виды метафорической антитезы. Точнее было бы сказать, что на основе некоей общей схемы сказитель создает некоторые структурные разновидности метафорической антитезы, наполняя их «местными» образами.

Антитеза при описании плененного богатыря: богатырь в темнице и способы побега

Тридцать аггов сидят в темнице. Чтобы вырваться из плена один из них притворяется умершим, а другие начинают громкий плач, крики и стенания. Король задает вопросы со своими предположениями о причине криков, агги отвечают отрицательно, отвергая каждое предположение, и дают свое объяснение. Метафорическая антитеза в ситуации *богатырь в темнице* полностью диалогична.

Король предполагает, что пленников, возможно, измучили физические тяготы пребывания в темнице. Среди таких тягот он называет следующие: *balta deri n'gju* ‘грязь до колена’, *tjekrra per pa u rrue* ‘борода небритая’, *kmishat per pa u ndrrue* ‘рубахы, которых не меняют’, *drita per pa dalë* ‘отсутствие света’. Другими причинами криков предполагаются нравственные страдания богатырей: *malli i shpisë* ‘тоска по дому’, воспоминания *për babë e nanë* ‘об отце и матери’, воспоминания *për motër e vlla* ‘о сестре и брате’, *haber i zi* ‘плохая весть (о смерти кого-то из близких)’.

На каждый вопрос короля агги дают отрицательный ответ, чтобы в конце заявить, что причина заключается в смерти одного из богатырей: *na ka dekë nji agë ma i miri, / sa çajren vedit s' po ja dijmë* (Епика 80: 40-41) ‘у нас умер лучший ага, / и мы не знаем, как быть’. В других песнях мертвым притворяются Халиль или Арнаут Османи, а Муйо волнуется, где и как его похоронить. Вот пример второй и третьей ступени этого типа

антитезы: — *Nuk ma ka merzitë drita per pa dalë, / as s' ma kanë merzitë kmishat per pa u ndrrue, / as s' ma ka merzitë mjekra per pa u rrue, / as s' ma ka merzitë balta deri n' gju, / por Halili n' burg m' ka dekë / e s' po dij i mjeri ku me e shti n' dhe* (Эпика 41: 162-167) 'Не печалит меня, что света не вижу, / не огорчает меня, что рубахи не меняю, / не надоела мне борода небритая, / не злит меня грязь до колена, / но Халиль у меня в темнице умер, /и не знаю, несчастный, где его предать земле'.

Своеобразие данных антитез заключается в том, что, при сохранении общей схемы метафорической антитезы, в первой и второй ее ступенях содержатся обозначения вполне реальных или возможных явлений, тогда как в третьей, напротив, сообщается о мнимом факте как о достоверном. В данном конкретном случае метафорическая антитеза как художественное средство выполняет новую неожиданную роль — придать большую убедительность ложному утверждению.

Антитеза при описании размышляющего (озадаченного) богатыря: *богатырь озабочен сложной ситуацией, в которую он попал и из которой ищет достойный выход*

Метафорические антитезы, представленные в ситуации *герой озабочен и печален*, также полностью диалогичны, но они различаются по объему и по степени разъяснения (по полноте разъяснения) достоверного факта (в третьей ступени метатеzy).

В силу обстоятельств или по собственной легкомысленности богатыри часто оказываются перед сложной ситуацией, обдумывая которую погружаются в молчаливую сосредоточенность. Реальные причины возникшей перед богатырем трудной задачи могут быть разными, чаще всего они связаны со сделанным им трудновыполнимым обещанием.

О том, что богатырь чем-то озабочен, говорит его странное поведение — богатырь *rrin idhnueshem* 'сидит огорченный', *llaf s' po ban* 'слова не произносит', *është pa qef* 'он без настроения', *fort mërziçëm* 'очень скучный/ опечаленный', *në mendim po rri* 'погружен в мысли' и др.

Причину задумчивости богатыря пытаются угадать любящие их друзья или, чаще, жена, невеста или мать. И здесь мы узнаём, что же является важным для образа богатыря с точки зрения «рядовых» персонажей, что именно составляет непременную часть его героической жизни. Для богатыря важны две вещи: первое — иметь верных друзей и побратимов, второе —

достоинно выступить на поединке с противником. Потеря того и другого и формулируется в качестве возможной причины озабоченности героя: *Fort mërziçëm, Mujë, je tu nejtë. / A t' ka dekë noj mik i dashtun? / A t' ka dekë kund noj probatin? / A noj kral mejdan t' ka lypë / E s' je i zoti n' mejdan me i dalë?* (KPL 42: 13–17) ‘Что же, Муйи, так тебя печалит? / Может быть, любимый друг твой умер? / Или, может, побратим твой умер? / Или королем на бой ты вызван / И не можешь ответить на вызов?’ (САС: 82, перевод Б. Слуцкого). Эти же причины с небольшими вариациями предполагаются в песнях и о других героях (Еріка № 3, 18, 48), когда те оказываются в затруднительном положении.

Особенность метафорической антитезы в ситуации *герой озабочен* заключается в том, что здесь, в зависимости от сложности реальной причины возникшей перед богатырем проблемы, ее изложение в третьей ступени антитезы может варьировать от двух до десяти стихов. В развернутом ответе герой не только излагает обстоятельства дела, но и мотивированно и самокритично объясняет свое поведение. Продолжим цитировать приведенную выше антитезу, минуя вторую (отрицающую) ее ступень: *Kam nie nam për ' i çik n' Krajli, / Ma ka çikën Krajli i Talirit, / I thonë për emën Talime Devojka. / Djalë n' Jutbinë nana nuk ka bâ, / Vlla n' Jutbinë motra nuk ka rritë, / Asaj çike mrapa për me i ra. / Vetë jam plakë edhe jam rrxue, / Kâma e dora, tha, mue m' ka lanë, / Sytë e ballit dritë nuk po m' bâjnë. / E s' jam i zoti mrapa për me i ra* (KPL 42: 23–32); ‘До меня дошло из Королевства, / Что растет у короля Талира / Дочка — Талимэ она зовется. / А меж нами нету человека, / Чтоб решился увезти ту дочку. / Ни одна из матерей Ютбины / Сына для нее не народила, / Ни одна среди сестер Ютбины / Брата для нее не воспитала. / Я и сам увез бы королевну, / Будь я хоть немного помоложе. / Но глаза мои остро не видят. / Ноги мои резов не ходят. / Увезти Талимэ не под силу’. (САС: 82–83, перевод Б. Слуцкого).

Эта метафорическая антитеза, выступающая в зачине и занимающая в целом двадцать стихов, подготавливает завязку сюжетной линии, поскольку содержит скрытый упрек в адрес богатырей.

В ситуации *герой озабочен и печален* может оказаться и героиня, невеста или сестра богатыря. Здесь те же проявления в поведении героини — она молчит (*me gojë nuk po folë*), сидит, опустив голову (*kryet n' prehën ma ka ulë*), не рассказывает

подругам о своем милом (*nuk po don jeranin me e kallxue*), глаза ее полны слёз (*vaji sytë po don me t' i mblue*). Такое поведение героини непонятно окружающим, как оно непонятно и слушателям, для тех и других сказитель задает некую загадку. В качестве отгадки подруги девушки высказывают предположения, что либо ее милый злой или нехорош собой (плешивый), либо он ей доводится родней. Объяснение реальной причины требует развернутого изложения всех обстоятельств: *Be në zotin Kunja po na u ban: / "Nuk e kam mikun kun n' kumari, / As t' keç mikun nuk e kam, / Por mik po kam mâ t' madhin dushman, / Fort inadë vllaznit po ja kanë. / Me mujtë Mujin ai n' Krali me e zanë, / Krye n' qafë Mujit nuk i len; / N' emën i thonë Nike Bajraktari."* (KPL 55: 10-20); 'Куня стала горячо божиться: / — Нет, дружок мой вовсе не родня мне! / Нет, дружок мой человек достойный! / Но он недруг нашему семейству, / Он с моими братьями в раздоре. / Ежели мой друг поймает Муйи, / Головы не сносит брат мой Муйи, / Имя друга — Нике Байрактари'. (САС: 47, перевод К. Еголина).

Для метафорической антитезы в ситуации *герой печален* характерно, как видим, развернутое изложение достоверных фактов в силу их сложности. Если же причина печали проста («милый далеко и не знаю, думает ли обо мне»), третья ступень антитезы все-таки получает развернутое повествование — уже за счет описания переживаний героини: *se kur m' bjen ndërmendi i tij, / jam kah ha, çohet pa ngi, / tuj pi uj, çohet pa pi, / me kenë n' gjumë, çohet pa fjetë, / ka tri dit nuk muj me folë* (Еріка 23: 38-42) 'все мысли о нем, / сажусь ли есть — встаю голодная, / сажусь ли пить — встаю не напившись, / ложусь ли спать — встаю не выспавшись, / вот три дня говорить не могу'.

**Антитеза при описании удивляющегося богатыря:
богатырь неожиданно обнаруживает что-то новое
в своем доме**

Оригинальное использование метафорической антитезы встречаем в двух песнях (Еріка №№ 19, 38), в которых она служит раскрытию не героических, а иных и весьма достойных качеств богатыря Муйо.

Ситуация заключается в следующем. В дом к Муйо пришел старик Башо Йона с просьбой помочь вернуть ему захваченные славом пастбища. Муйо готов это сделать и даже дает согласие получить за свою помощь денежное вознаграждение, которое

старик тут же и оставляет. Но разговор этот происходил вечером, когда Муйо был в подпитии. Проснувшись наутро и увидев семьсот золотых, герой очень удивлен и со смехом обращается к матери: — *A din gja kto pare çka do të jenë? / A thue Zoti m' i ka falë, / a por ndoi borxhli për borxh m' i ka la, / a por orët e malit ktu m' i kanë pru?* (Еріка 19: 96–99) ‘Не знаешь ли, что это за деньги? / Может, Господь мне их подарил, / или какой-нибудь должник долг мне оставил, / или горные оры сюда мне их принесли?’. Для Муйо равно возможны столь разные объяснения появления денег: и возврат кем-то долга, и дарение со стороны высших сил — Бога или горных ор.

В ответе матери содержится последовательное отрицание всех предположений Муйо (три стиха, это вторая ступень антитезы) и полное описание всего произошедшего накануне (четыренадцать стихов, это третья ступень). Ответ матери интересен тем, что, помимо пересказа уже известного слушателю события, в нем содержатся сказанные как бы вскользь замечания, характеризующие мать Муйо как нравственного человека: подчеркивается, что она не подслушивала, но слышала чужой разговор нечаянно и не всё разобрала (*as bash mir nuk e kam ndigjue*). Кроме того, она удивлена (*edhe boll çudë, ..., më ka ardhë*) тем, что Муйо согласился взять деньги за свою помощь, ведь это ему несвойственно.

Показательна реакция самого Муйо на услышанное — *Porsi zana Muji asht çue në kambë* (Еріка 19: 118) ‘Словно (как) зана Муйо вскочил на ноги’. Сравнение «как зана», т. е. очень быстро и воинственно, готовым к бою, в данном контексте весьма красноречиво. Вообще сравнение богатыря с заной усиливает его образ героя неустрашимого и непобедимого. Но в данной ситуации герою никакая опасность не грозит, ему не с кем сражаться. Опасность грозит его репутации, и он готов за нее биться. Муйо едет к старику, возвращает деньги и обещает вернуть ему во владение пастбища. Таким образом, этот эпизод с якобы получением и возвращением денег добавляет образу Муйо еще один штрих — благородство в отношениях с друзьями, а использование метафорической антитезы позволяет сделать изложение более ярким и запоминающимся.

Антитеза при описании неясного объекта в горах: богатыри обсуждают что-то видимое вдалеке в горах

Метафорическая антитеза при описании какого-то далекого объекта в горах от описанных выше отличается и структурно, и семантически. Она представлена в четырех песнях, три из которых являются вариантами одного общего сюжета о преданной любви сестры к своему брату, а четвертая повествует о гибели юного Омера.

Сюжет песен о любви сестры к брату прост. Богатырь (Хасап ага, Хасан ага или Асман ага) снаряжается и отправляется в горы, не объясняя цели либо для того, чтобы поквитаться с гайдуками. Проходит время, от богатыря нет вестей, а собравшиеся на совет аги смотрят в сторону гор, размышляют и понимают, что там лежит раненый богатырь. Размышления аггов оформлены как метафорическая антитеза. Узнав эту печальную весть, сестра богатыря отправляется в горы, находит брата, который страдает от жажды и просит принести воды из родника. Чтобы не потерять дорогу, она отмечает путь каплями своей крови, но неожиданно пролившийся дождь все смывает. Дойдя, наконец, до брата, она находит его мертвым. От горя женщина сходит с ума, убивает себя или превращается в кукушку.

Метафорическая антитеза в песнях о преданной сестре появляется после сообщения о том, что выехавший в горы богатырь в столкновении с гайдуками получил семь ранений, которые *brinj në brinj-e agës i kanë dalë* (Balada 75: 17) ‘сквозь ребра его вышли’. В размышлениях аггов о том, что же это может быть там на Высокой горе, интересны не столько новые объекты сопоставления: снежный сугроб, пастух с овцами или белый голубь, сколько полнота отрицающих ответов: *Po me kjen-e sëmeti me borë, / borën kishte zhegu i vers m' e shkri. / Po me kjen-e çobani me dhën, / dhënt dikur ai kishte me i mallue. / Po me kjen-e pëllumat e bardhë, / kta dikur-e kishin fluturue* (Balada 75: 25-30) ‘Был бы это сугроб снега, / летний зной растопил бы его. / Был бы это пастух с овцами, / он давно перегнал бы овец. / Были бы это белые голуби, / они давно бы улетели’. Такие мотивированные отрицания высказанных предположений встречаются только в данных четырех случаях употребления метафорической антитезы.

Третья ступень рассматриваемой метафорической антитезы представлена вариантами: *por ai ësht i shkreti Hasan Agë, / e*

shtatë pushkë të shkretit i kanë ra, / brinj për brinj-e t' shkretit i kanë dalë (Balada 75: 31–33) ‘Но это несчастный Хасан ага, / семь ружей в несчастного выстрелили, / сквозь ребра несчастному вышли’; *por isht çadra e Asman Agë Jutbins, / n' shtatë hajdukë, more, Asmani ka ndeshë* (Balada 76: 45–46) ‘но это палатка Асмана аги из Ютбины, / семерых гайдуков, слушай, он повстречал’.

Данная метафорическая антитеза обнаруживает значительное сходство с зачином известной сербской песни-баллады «Хасанагиница»:

Što se bijeli u gori zelenoj?	Что белеется на горе зеленой?
Al su snijezi, al su labutove?	Снег ли то, или лебеди белы?
Da su snijezi, vec bi okopnuli,	Был бы снег — он уж бы растаял,
Labutove vec bi poletjeli.	Были б лебеди — они б улетели.
Nisu snijezi, nit su labutove	То не снег и не лебеди белы,
nego šator age Asan-age.	А шатер Аги Асан-аги
	(пер. А.С. Пушкина)

Как отметила Т. В. Цивьян, эти объяснения отвергаемых вариантов представляют собой результат не мгновенного взгляда, а долгого всматривания, «это мысли того, кто смотрит, <...>, обдумывает, <...> и перебирает решения <...>. Но эти колебания создают какое-то тревожное предчувствие» (Tsivyan 2006: 277). Развивая далее этот тезис, Т. В. Цивьян предлагает свою интерпретацию этой песни, видя в ней одно из отражений Балканской модели мира с характерным для нее пониманием образа и смысла жертвы, — добровольной жертвы.

Переходя к албанской песне, назовем, прежде всего, ряд совпадений некоторых «формальных» элементов с таковыми «Хасанагиницы». Совпадение имени главного героя — Asan-age / Hasan-age в сербо-хорватско-боснийских вариантах и Aga Hasan Aga / Asman Agë Jutbina, но также Aga Hasap Agë в албанских вариантах. Совпадение события и места действия — оба героя ранены и находятся где-то в горах. Оба ждут помощи от близкой родственницы — от жены или сестры. Обе героини в конце повествования умирают. Помимо этих формальных совпадений, оба произведения содержат общую идею готовности жертвовать собой ради другого — на бытовом уровне в песне, а на уровне БММ — «для сохранения космического порядка» (Tsivyan 2006: 278).

Трудно сказать, произошла ли здесь контаминация этих двух произведений, либо, скорее, перед нами заимствование метафорической антитезы с ее мотивированными объяснениями во второй ступени. Заимствована была сама идея, которая по-разному реализовывалась албанскими сказителями. На это может указывать обилие предположений (вторая ступень) о том, что там вдалеке, возможно, виднеется *rrgallë me gurë* 'каменная осыпь', *çetina rrxuet* 'упавшая сосна', *mjegull i hollë* 'легкий туман', *lula në rudinë* 'цветы на поляне' и *komitë me shkje* 'разбойники-славы'.

* * *

Метафорическая антитеза в албанских балладах и героических песнях присутствует, прежде всего, при описании образа богатыря, его силы и мощи. В этих случаях используются сопоставления с явлениями природы. Антитеза служит также для характеристики поведения богатыря в разных жизненных ситуациях, — как критических, так и забавных бытовых. Здесь для характеристики героя используются понятия и реалии повседневного быта героев. Для характеристики женских персонажей антитеза употребляется редко. Особый вид метафорической антитезы представлен в песнях о преданной (о самоотверженной) любви сестры к своему брату. Данная антитеза, возможно, заимствована из сербской песни-баллады «Хасанагиница».

Литература

- Bogatyrev, P. G. 1958: Some tasks of comparative study of the Slavic peoples' epic. In: *IV International Congress of Slavists. Reports*. М.: USSR Academy of Sciences Publishing House.
- Богатырев, П. Г. 1958: Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. В сб.: *IV Международный съезд славистов. Доклады*. М.: Издательство АН СССР.
- Veselovsky, A. N. 1989: Psychological parallelism and its forms in reflections of poetic style. In: A. N. Veselovsky. *Historical poetics*. М.: Vysshaya shkola, 101–155.
- Веселовский, А. Н. 1989: Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. В кн.: А. Н. Веселовский. *Историческая поэтика*. М.: «Высшая школа», 101–155.
- Gatsak, V. M. 1973: Metaphorical antithesis in comparative historical coverage. In: *History, culture, ethnography and folklore of the Slavic peoples. VII International Congress of Slavists*. Warsaw,

- August 1973. Reports of the Soviet delegation.* M.: Publishing house «Nauka», 286–307.
- Гацак, В. М. 1973: Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении. В сб.: *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации.* Издательство «Наука», М., 286–307.
- Medrish, D. N. 1995: “The originality of negative comparisons...”. Metaphorical antithesis in the poetic cycle of A.S. Pushkin “Songs of the Western Slavs”. *Russian speech.* No. 5, 101–108.
- Медриш, Д. Н. 1995: «Оригинальность отрицательных сравнений ...». Метафорическая антитеза в стихотворном цикле А. С. Пушкина «Песни западных славян». *Русская речь.* № 5, 101–108.
- Medrish, D. N. 1987: Historical roots of negative comparison. In: *Russian folklore, XXIV. Ethnographic origins of folklore phenomena.* Leningrad: «Nauka», 107–117.
- Медриш, Д. Н. 1987: Исторические корни отрицательного сравнения. В сб.: *Русский фольклор, XXIV. Этнографические истоки фольклорных явлений.* Л., издательство «Наука», Ленинградское отделение, 107–117.
- Tsivyanyan, T. V. 2006: Balkan twist in the Serbian plot: “HASANAGINICA”. In: T.V. Tsivyanyan. *Model of the world and its linguistic foundations.* 3rd ed., revised. M.: KomKniga, 272–278.
- Цивьян, Т. В. 2006: Балканский поворот в сербском сюжете: «ХАСАНАГИНИЦА». В кн.: Т. В. Цивьян. *Модель мира и ее лингвистические основы.* Издание третье, исправленное. М.: КомКнига, 272–278.

Источники

- Balada — Balada dhe legjenda. Instituti albanologjik i Prishtinës, Prishtinë. 1974.
- KPL — Kenge popullore legjendare. Zgjedhur e pajisur me shënime nga Q. Haxhihasani. Instituti i shkencave. Tiranë, 1955. 332 с.
- Epika — Epika legjendare (*Cikli i kreshnikëve*). Vëllimi i parë. Redaktimi i tekstevet, fjalori dhe shënimet nga Qemal Haxhihasani. Redaktor përgjegjës Zihni Sako. / Folklor shqiptar, II. Instituti i folklorit. Tiranë, 1966. 592 с.